

великодержавной политике большевиков на Украине и о разорении Украины я не говорил. На националистических, панславистских позициях я не стоял и не стою» [8, л. 216]. «В. Н. Кораблеву о существовании нелегальной националистической организации я не говорил и принять участие в ее работе его не приглашал. О нелегальной работе в Украинском научном обществе я В. Н. Кораблеву не говорил. О филиале организации в Москве во главе с М. Н. Сперанским я ему также не говорил» [8, л. 219].

Обстановку на следствии описал сам В. Н. Перетц в письме непременно секретарю АН СССР В. П. Волгину, посланном уже из ссылки 14 июля 1934 г.: «Я был вызван к следователю (помощнику начальника политическо-секретного] отдела С. М. Сидорову), который, [после] предварительного] официального допроса с протоколом, предложил мне „побеседовать“ о деле, по которому я был арестован, и подумать о том, какие могут быть за мной преступления. Не зная за собой никакой вины, я тщетно искал хотя бы призрака такого, но ничего не мог припомнить, а следователь настаивал — впрочем, весьма любезно, — чтобы я откровенным признанием упростил дело и облегчил этим свою участь, так как он „не имеет ни малейшего желания меня угробить“. При этом он, находя, что я „избрал неумный способ защиты через заперательство“, указывал на „умное“ и практичное поведение акад[емика] Сперанского, который привлеченный по тому же делу, — после признания вины (будто бы он под моим руководством был главою московской группы какой-то организации, о чем я никогда не слышал до допроса!) — был отпущен домой. На это я ответил, что предпочитаю действовать неумно, но честно и не лгать на себя... Мне было предъявлено обвинение, которое меня повергло в изумление своею невероятностью: „в активном участии в националистической и контрреволюционной организации, находящейся в связи с закордонными интервентами“, по ст. 58, пп. 11 и 4. Когда я категорически заявил, что о подобной организации я впервые узнал по аресте, в Москве, — следователь заявил, что теперь, к сожалению, меня придется „уличить“. С этой целью были произведены две „очные ставки“ ... В следующей за очной ставкой беседе-допросе я выдвигал возражения по существу. На указание следователя, что показания обоих указанных лиц очень близки друг к другу, вследствие чего их следует признать фактически достоверными, — иначе совпадение необъяснимо, — я возразил, что эти показания своего рода „дымовая завеса“ для их авторов, которые надеялись прикрыться моим именем, а сходство содержания показаний объясняется тождественностью наводящих вопросов с упоминанием моего имени. По существу эти показания — фантастические, так как не совпадают с моими общественно-идеологическими установками ни в прошлом, ни в настоящем. Кроме того, надо быть сумасшедшим, чтобы, имея положение академика двух советских Академий наук и сорок два года научной работы, на склоне лет пускаться в авантюры и притом привлекать к этим преступным авантюрам малознакомых людей, какими являются для меня авторы данных против меня показаний. Следователь заявил, что есть и другие данные, но не предъявил их мне и не дал возможности защищаться» [8, л. 258—259].

Письмо В. П. Волгину уже публиковалось по другому его экземпляру, сохранившемуся в архиве В. П. Адриановой-Перетц [10, с. 28]⁶. В этой публикации, однако, купировано место, посвященное М. Н. Сперанскому. Причины этого понятны: публикаторы не хотели бросать тень на репутацию Михаила Нестеровича. Однако знакомство с делом последнего показывает, что следователь и здесь лгал: М. Н. Сперанский также не признал себя виновным, а отпущен домой был в результате хлопот брата, известного педиатра Г. Н. Сперанского (см. об этом [1]).

Отметим и не вызывающее сомнений свидетельство В. Н. Перетца о «любезности» следователей. Многие пострадавшие по данному делу вспоминали впоследствии иное: грубость, запугивание, игры пистолетом, лишение сна, «кон-

⁶ Отметим две неточности в публикации. Письмо признано одновременным письму И. В. Сталину (см. ниже), хотя оно написано годом раньше. Б. Г. Крыжановский назван Кржижановским.